

К.и.н., ст.н.с. СОИГСИ
С.М. Перевалов

Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков *

С.М. Перевалов

2. Дилетантизм в стане историков

Историографическая ситуация наших дней. От советского прошлого – к российскому настоящему. Советский строй рухнул. А дилетантизм советского образца?

Менять психологию людей намного трудней, чем систему. Проблемы, копившиеся десятилетиями, не разрешить в одночасье, особенно если их не очень-то и стараются решать. Но, странным образом, представители научного сообщества ждут этого, как манны небесной. То и дело раздаются возгласы недоумения по поводу живучести феномена Фоменко. «Лет 10-15 назад, – рассуждает член-корреспондент РАН В. Козлов, – применительно к советской историографии приходилось слышать такое соображение: работы Фоменко дискредитируют официальную советскую историографию, погрязшую в политизированных схемах всемирно-исторического процесса. Сегодня такой историографии нет» [17, с. 14]¹. Да куда же она делась? Если что и изменилось, это внешние условия труда историка. Ситуация внутри цеха поменялась мало, хотя надежды были. После глобального пересмотра мировоззренческих основ напрашивался конкретный разговор специалистов о состоянии дел в каждом из разделов истории, о ремесле историка с учётом всех внешних и внутренних факторов. На мой взгляд, он так и не состоялся в масштабах общероссийских.

Личное впечатление может быть обманчиво, но в данном случае я не одинок. Вот мнение Н.Е. Копосова: «Вне пределов явно политизированных областей науки ситуация 70-х - начала 80-х годов сохраняется почти без изменений. Произошло только некоторое ослабление позиций группы официальных историков, в 60 - 70-е годы монополизировавших руководство исторической наукой, а теперь вынужденных признать то, что наука должна развиваться как соревнование школ и направлений. Но ни сколько-нибудь заметного оживления теоретической мысли, ни повышения уровня научных исследований, ни серьезных попыток улучшить качество преподавания истории не произошло» [42, с. 61]. Ему вторит С.В. Оболенская: «За годы тех колоссальных перемен, которые прежде всего должны были, казалось бы, повлиять на нашу науку – ведь приоткрылась ошеломляющая правда, можно говорить и писать что угодно! – в советской исторической науке не произошло почти ничего» [62, с. 77]. О причине застоя – корпоративной солидарности старых кадров, возвращенных на идеях марксизма-ленинизма, пишет Ю. Борисенко: «Время идет, а в советской историографии почти ничего не меняется: привилегированная каста до боли знакомых академиков и член-корроров еще долго... будет воспроизводить себе подобных... Несчастливые клас-

* Окончание. Начало в № 3.

¹ То же удивление (искреннее?) относительно ситуации в целом выражает академик Ю. А. Поляков (72, стр. 90): «Три главные болезни: догматизм, конъюнктура, дилетантизм... которые, казалось, должны были исчезнуть, развились с новой силой».

сики... могут спать спокойно. Их дело по-прежнему живет и побеждает» [15, с. 8].

Пример из дисциплины, сравнительно далекой от полей идеологических битв. В 90-е годы в журнале «Российская археология» была принята попытка оценить сделанное за годы советской власти с апологетической (В.И. Гуляев и Л.А. Беляев) и критической (А.А. Формозов) точек зрения [21; 79]. Продолжения дискуссия не имела, и спустя три года Я.А. Шер констатировал: при том, что поднята «острая проблема, которая касается всех нас, ... никто по поставленным проблемам не высказался» [83, с. 209]. Аудитория археологов (так же, как медиевистов, антиковедов и др.) оказалась не готова к разговору о том, что составляет самую суть нашей профессии. Раз так, все остается по-прежнему, или почти по-прежнему, как в старое доброе (для кого-то) время.

Мягко говоря, странным выглядит вздох облегчения по этому поводу М.А. Бойцова: «Удивительно, но и весьма показательно, что катаклизм 90-х годов, глубочайший, с какой бы позиции на него не смотреть ... как-то неадекватно слабо сказался на научном сообществе историков и том, как оно осознает и этот катаклизм, и свою роль в нем, да и вообще содержание собственных профессиональных занятий. Вместо дискусионных бурь, начавших было пошумливать во второй половине 80-х, – несколько странная тишина и явная всеобщая неохота беречь умы и разжигать страсти обсуждением внутрицеховых проблем. Тишина эта – вообще-то благо, поскольку свидетельствует о присутствии в сообществе такта и здорового чувства самосохранения, не позволяющего поднимать неудобные (?) вопросы, обсуждение которых чревато общими неприятностями» [14, с. 156-157]. Ну что тут скажешь? Когда-то историю с ее первым законом – «не лгать»², считали опасной наукой. «Сказавши правду, держи коня наготове». И вот нам предлагают мораль каких-то кисейных барышень: не причинять неприятностей себе и другим, «неудобно-с».

А жизнь бежит вперед, не дожидаясь, пока расшевелятся историки и соизволят обратиться

к вопросам, ею поставленным. И тогда вступают в дело неподготовленные любители, либо политизированные (а значит – недостаточно профессиональные) кандидаты и доктора наук.

Направление главного удара дилетантов.

И такого рода выступления – верный индикатор неблагополучия в нашей среде. Дилетанты – отдадим им должное – точно нащупали слабое место в постсоветской историографии. Таковым оказалась древняя и средневековая история России и её окраин. Отечественная история в глазах дилетантов вообще выглядит более привлекательной, чем история зарубежная, поскольку позволяет сыграть на патриотических чувствах. «Искажения недопустимы в истории любого государства, – пишут Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко. – Но искажения отечественной истории приобретают для нас особое звучание» [61, с. 21]. В критической части они совершенно правы: ныне существующая версия древней российской истории требует пересмотра и освобождения от мифов советского времени. Сами историки неоднократно поднимали этот вопрос. Ситуация здесь мне видится как крайне тревожная. Дело не в отсутствии тех или иных конкретных трудов, а в неготовности научного сообщества в целом вести исторические исследования на современном уровне, что гораздо серьезнее. И положение вряд ли изменится, если не определить специфику ранней российской истории как отрасли, находящейся на стыке разных наук, требующей широких и разносторонних, а также специальных знаний. Научная политика в области россиеведения должна учитывать междисциплинарный, точнее – полидисциплинарный его характер.

Ранняя история нашей страны плохо освещена в местных письменных источниках. Летописание на Руси возникло, видимо, не ранее XI, если не XII века (дата редакций древнейших дошедших до нас памятников), народы окраинных территорий (Поволжья, Урала, Северного Кавказа, Сибири), в подавляющем большинстве бесписьменные, вошли в орбиту русской политики и русской культуры и попали на страницы русскоязычных документов еще позже. История нерусских

² *Quis nescit primam esse historiae legem, ne quid falsi dicere audeat? Deinde ne quid veri non audeat?» [Cic. De orat. 2.15.62]. – «Кто же не знает, что первый закон истории – бояться какой бы то ни было лжи? Затем – не бояться какой бы то ни было правды?» [Цицерон].*

народов поэтому восстанавливается на основе источников иноземного происхождения – греческих, латинских, арабских, персидских, армянских, грузинских и т.д. Квалифицированно работать с ними могут специалисты не по отечественной, а по всеобщей истории: антиковеды, востоковеды, византилисты, медиевисты. Их число за советский период резко сократилось. С началом гласности (конец 80-х) ученые забили тревогу. «По пальцам перечесть тех, кто может грамотно составить комментарий к античному автору, – вот что пугает» (Н.В. Брагинская: [80, с. 25]). «Мы стоим перед угрозой прерывания нашей большой традиции в этой области науки» (В.В. Иванов о советском востоковедении: [33, с. 27]). «Мне кажется, что в России сейчас нет греческих палеографов, способных грамотно издать новый текст существенного размера» (А.П. Каждан из своего эмигрантского далека, незадолго до смерти: [37, с. 41]).

Слава Богу, – специалисты, умеющие читать оригинальные тексты, еще живут и работают – преимущественно в Москве и Петербурге. Но семидесятилетняя диктатура непрофессионалов не прошла бесследно: таких людей очень мало. С грехом пополам их хватает на то, чтобы заниматься наиболее приоритетными темами. Для удовлетворения потребностей исторического образования по стране в целом их катастрофически не хватало и не хватает. А свято место пусто не бывает. По всеобщей истории стали подвизаться люди, имеющие весьма отдаленное представление о предмете. «Историки древнего мира или средневековья, не владеющие языком своих источников, философы, строящие «тончайшие» умозаключения по поводу тех или иных терминов греческих мыслителей, едва умеющие при этом прочесть слово по-гречески, археологи, пытающиеся связать раскопанные ими материальные культуры с теми или иными историческими свидетельствами и пользующиеся устаревшими неточными русскими (иной раз поэтическими!) переводами, стали обычным явлением» [71, с. 30].

Если бы только обычным. Такие люди составляют господствующее большинство в нашей науке, тем паче – в образовании. Преимущественно ими создавались и создаются исторические концепции развития многих народов и регионов России – концепции, весьма далекие от того, чтобы называться научными. В условиях реального

федерализма с неизбежным на первых порах ростом сепаратизма это чревато опасностями, и опасностями нешуточными. Незнание собственного прошлого, неумение учитывать его уроки ведут к трагическому непониманию своего места в истории, завышенным (реже – заниженным) ожиданиям в настоящем.

Кавказоведение: вызов национальных историй. Ныне у всех на устах: «Кавказ – горячая точка», средоточие межнациональных и прочих конфликтов. «Отчего Северный Кавказ стал зоной хронической нестабильности и кровавых конфликтов? Одна из причин, как ни странно, – историческая наука. Кавказоведение в СССР развивалось в жестких доктринальных рамках, однако параллельно расцвело и молчаливо поощрялась местными властями практика создания «оригинальных» версий прошлого своего народа – с непременным возвеличиванием его роли за счет соседей. Мания этновеличия, поиски легендарного всеобщего прародителя-этноарха именно в своем народе стали отличительной чертой трудов местных историков. Абсурдность ситуации проявилась в том, что многие современные этнические конфликты зародились на страницах работ по древней и средневековой истории. Ведь период новой и новейшей истории жестко контролировался партийными органами и становился табу для любителей вольного отношения к собственному прошлому. Ныне же, освободившись от старых пут, историческая наука попала в новые сети – к духовным лидерам и национальным элитам постсоветских республик» (Л.С. Гагагова: [39, с. 8].

О том, как это делается. Несколько лет назад (10 ноября 1994 г.) республика Северная Осетия постановлением местного парламента приобрела добавочное название Алания, по имени средневекового государства. Это в условиях, когда обыденное историческое сознание, подпитываемое политизированными трудами историков, ориентируется на то, чтобы считать все аланское «нашим»³. А чуть ли не в зоне видимости осетинского Владикавказа строится ингушский Магас, названный так в честь главного города средневековой Алании. Разделяет две столицы Пригородный район Северной Осетии, уже ставший осенью 1992 г. местом вооруженного конфликта между соседями и претендентами на аланское наследство. Мы привыкли, что в конфликтах

обычно винят политиков, заказчиков исторических этномифов. Ну, а историки, оперативно появившиеся в «новые сети»? Что это за профессионалы, обладающие качествами флюгеров? Что это за наука, в которой одна национальная версия не дополняет, а начисто отрицает другую?

Вопросы могут показаться неуместными. Ведь историки не отмалчиваются. Попытки переписать советский вариант истории кавказских народов на новый лад встречают бурный отпор со стороны «старой гвардии» кавказоведов. Недавно ими был издан своего рода манифест под названием «Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения», Москва, 1996) к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования». В нём слышны знакомые по полемике вокруг феномена Фоменко нотки: «За последнее 10-летие в России и других странах СНГ резко возросло количество всякого рода лженаучных открытий и учений, претендующих на новизну и сенсационность... Стало обычным явлением бесцеремонное вторжение многочисленных любителей подобных «сенсаций» в те сугубо профессиональные направления конкретных наук, которые далеко не всегда соответствуют их основной специальности и профессии. К сожалению, в рядах таковых сегодня в числе прочих немало и дипломированных ученых: кандидатов и докторов наук, доцентов и профессоров. Они не только способствуют формированию и распространению псевдонаучных знаний среди широких слоев населения, но и явно дискредитируют науку... неправомерно используя свободу слова и печати, спекулируя на ускоренном росте национального самосознания и повышении интереса народов к своей истории и культуре» [63, с. 285-287].

«Обращение» – далеко не единственная по-

пытка удержать ситуацию в кавказоведении под контролем прежних авторитетов. С разоблачением антинаучных вылазок неоднократно выступали известные ученые В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов [45], В.И. Марковин [50; 51; 52], В.А. Шнирельман [84; 85], О.М. Давудов [26]. В числе лиц, «дискредитирующих науку о Кавказе», обычно называются: ушедший недавно из жизни археолог и историк И.М. Мизиев [54; 55], писатель и экономист М.Э. Аджиджи [3; 4; 5], бывший военный, а ныне политик Р.С. Плиев [69; 70], типичный самоучка в тюркологии А.М. Байрамкулов [8; 9; 10] и др.

Два лагеря – «традиционалистов» и «новаторов» (они же – «ниспровергатели») – определились, хотя их персональный состав не вполне устойчив. Первые лучше организованы, вторые более раскованы. Обе стороны прошли путь от использования марксистских установок в качестве щита до мишени для нападок. Принципиальная полемика ведется как по частным, так и по концептуальным вопросам. «Новаторов» обвиняют в национализме, «традиционалистов» – в догматизме. Меня больше беспокоит глубокий непрофессионализм, присущий тем и другим, но особенно nepазволительный в среде специалистов, считающихся ведущими в отрасли. Ведь именно неубедительность современной трактовки истории народов Кавказа провоцирует дилетантов на собственные «поиски», «новации», «открытия».

Другими словами, нынешняя генерация историков-кавказоведов не является серьезной альтернативой буйно расцветшему дилетантизму. Задача, поставленная В.А. Кузнецовым и И.М. Чеченовым в их «антидилетантской» книге, – преодоление «инерционных и деструктивных сил и тенденций в историческом кавказоведении, ... отстаивание, апология позиций и достижений

³ См., например, статью М. Доева, в которой, со ссылкой на историю аланского (эпохи монгольского нашествия и ранее) государства, утверждается: «Территория. Ее мы теряли в прошлом, теряем и сейчас. ... Мы потеряли громадные территории. ... Что касается территории, то мы продолжаем ее терять. ... мы могли потерять южную часть Осетии» [29, с. 154-155]. По этому поводу верно заметил А.Иванчик: «Судьба Кавказа и Балкан становится предупреждением для всех, кто ссылается на историческое право - будь то обладание территорией... или право считать другой народ... историческим врагом или оккупантом... Пока история поставляет аргументы для споров, пока она, по выражению Цицерона, остается учителем жизни, вражда и кровь неизбежны» [цит. по: 20, с. 203]. Я бы только не отказывал истории в статусе «наставницы жизни», *magistra vitae*, просто надо брать все, а не произвольно выбранные, ее уроки. Чтобы не создавать впечатления, будто перед нами чисто кавказский феномен, тут же припомню, как я учился в советской школе (60-е гг.) по учебникам, где объяснялось, что Иван Грозный и Петр I имели полное историческое право отвоевывать прибалтийские земли, поскольку они когда-то принадлежали новгородцам.

российской фундаментальной науки о Северном Кавказе, выработанной многими поколениями ученых научной парадигмы» [45, с. 7] – не может быть решена средствами, находящимися в их распоряжении. Кавказоведы советской формации в состоянии защищать только советскую, т.е. ненаучную историческую традицию, в которой были как раз утрачены главные достоинства российских ученых «научной парадигмы» – знание источников и мировой литературы, умение ставить вопросы и искать на них научно аргументированные ответы.

Если нужны доказательства, есть смысл ограничиться легко проверяемыми фактическими ошибками, не затрагивая бездн экзегетики и исторической интерпретации. Факты – фундамент науки, их незнание не заменить никаким глубокомыслием. Начну с алановедения: борьба за аланское наследие – одна из самых острых на постсоветском пространстве.

Аланы: откуда берутся мифы. Один из дискуссионных вопросов отечественной аланистики – время первого появления аланов на исторической сцене. Наиболее приемлемой датой считается 72 г. н.э. – год опустошительного набега аланов на Мидию и Армению, о котором сообщает Иосиф Флавий в «Иудейской войне» (Bell. Jud. 7.244). Правда, из «Анналов» Тацита (Ann. 6.33-35) известен эпизод 35 г., когда какие-то сарматские племена с Северного Кавказа пришли на помощь иберам (грузинам) против парфян. Что за сарматы? Тацит не уточняет. Сираки? Аорсы? Аланы? Казалось бы, может помочь обращение к Иосифу, который в другой своей работе, «Иудейские древности», рассказывает о тех же событиях 35 г. (Ant. Jud. 18.97). Наши историки раскрывают перевод соответствующего места в столетней давности своде В.В. Латышева «Scythica et Caucasia» (SC. СПб. 1893-1900. Т. I, с. 482), находят там «скифов» и делают вывод: об участии аланов говорить нельзя.

Это ошибка, в данном случае неизбежная, так как ее причина заключена в чисто дилетантском методе чтения текстов в русском переводе. Профессионал же обязан работать с оригиналом и по критическим изданиям. Простая (для лиц, обладающих соответствующей квалификацией) сверка показывает, что В.В. Латышев пользовался неточным изданием С. Набера (1888-1896), к тому времени уже устаревшим, поскольку в 1890 г.

Б. Низе выпустил научное издание 18-й книги «Иудейских древностей» с полным критическим аппаратом, где слово «скифы» (результат поздней конъектуры, основанной на латинском переводе) заменено «аланами», в соответствии с чтением греческих рукописей [67, с. 203-205]. Об этой – столетней давности – «новинке» алановеды даже не слышали. Время для них как бы застыло. И не стоит В.А. Кузнецову и И.М. Чеченову так болезненно реагировать на намек, что историческая наука о Кавказе находится на уровне XIX в. [45, с. 35]. По некоторым параметрам она спустилась еще ниже.

Далее. Целый спектр ошибок связан с одной личностью – Флавия Арриана, греческого писателя и римского полководца II века. У Арриана есть военный трактат «Тактика». Оригинал наши историки не знают и пользуются переводами в том же собрании В.В. Латышева. Естественно, воспроизводятся все ошибки переводчиков, к ним добавляются ошибки историографические. Как помнится, Екатерина II в слове из трех букв («ещё») умудрялась делать четыре ошибки («исчо»). Наши алановеды могли бы потягаться с императрицей: на единственное имеющееся на русском языке упоминание об аланах они (практически все) делают три ошибки. 1. Алано-сарматских всадников из пикейщиков (Agr. Tact. 4.7) превращают в дротикометателей. Разберитесь после этого в их тактике. 2. Скифов IV в. до н.э., сражающихся клином (Ibid. 16.6), принимают за аланов II в. н.э. Ошибка в полтысячелетие. Что это такое? Это Дмитрий Донской, выводивший свои рати на поле Бородинское против дивизий Наполеона. 3. Римские значки «скифского» происхождения (Ibid. 35.3-5) принимают за аланские. Последнего оказывается достаточным, чтобы строить версии о родо-племенном строе у аланов, их военной организации и т.д. [подробнее: 66].

Не повезло не только произведениям Арриана, но и событиям с его участием. Будучи наместником римской провинции Каппадокия, Арриан отразил в 135 г. (или 136 г.) аланский набег в страны Закавказья. Эпизод известен из «Римской истории» Кассия Диона (69.15.1), той ее части, что сохранилась во фрагментах у поздних писателей. Филологи долго работали над реконструкцией изначального текста, пока У. Буассевэн не подготовил его критическое, лучшее на этот день, издание (5 тт., 1898-1931). В нем указан марш-

рут аланского набега через Албанию, Мидию, Армению, Каппадокию, инициатором набега назван царь Иберии Фарасман II [89, р. 235]. Информация в этой части абсолютно ясна и не требует дополнительных разысканий.

Но наши специалисты идут своим путем. Поскольку грекоязычный Кассий Дион им недоступен, они берут русский перевод В.В. Латышева и попадают в ту же ловушку. Латышев изданием Буассевэна воспользоваться не мог, а потому перепечатал и перевел текст Диона со старого издания Л. Диндорфа 1866 г., где маршрут указан иной: Мидия – Армения – Каппадокия [28, с. 276-277]. Этим-то устаревшим текстом и руководствуются современные отечественные историки в попытках дать «новые» интерпретации набега 135 г. По Н.Е. Берлизову [12, с. 42-45] аланы шли с юго-востока, из Средней Азии, прорываясь через земли Закавказья на Северный Кавказ (при исключении из списка Албании такое предположение возможно). С.А. Яценко ведет аланов из той же Средней Азии, но северным путем через низовья Волги вдоль берегов Каспийского моря, минуя Иберию и аккуратно обходя основную территорию Албании [87, с. 87-88]. О.М. Давудов, исходя из того, что Албания якобы «не упомянута при описании похода 135 г.», приписывает поход аланам-маскутам Южного Дагестана и Северного Азербайджана, т.е. той же Албании [25, с. 244]. Столько усилий, заранее обреченных на неудачу!⁴ Не лучше ли потратить их на ознакомление с источником? Правда, для этого надо как минимум выучить греческий.

Уже мелочью выглядит вольное обращение со свидетельством Иоанна Лида (*De mag.* 3.53) о пребывании Арриана вблизи «Каспийских ворот» (ныне Дарьял). Т. Моммзен в своей «Истории Рима» обмолвился, что «Флавий (Арриан – *С.П.*) побывал на Кавказе и ознакомился с проходами» [56, с. 365, прим. 5]. Только на этом основании Г.А. Меликишвили трактует поездку Арриана как дипломатическую миссию, причем миссию неудачную, предпринятую за несколько лет до аланского набега 135 г. [53, с. 322]. С.А. Яценко, также не заглядывая в источник, присоединяется к мне-

нию Меликишвили и делает «предположение», будто Арриан побывал на Кавказе в начале 130-х гг. с разведывательными целями, имея сведения о готовящемся набеге аланов [87, с. 93, прим. 4]. На деле контекст сообщения Лида явно указывает на события конца кампании 135 г., связанные с преследованием римскими войсками Арриана изгнанных из Армении аланов [88, р. 233 и др.].

Я специально остановился на том, как трактуются в литературе сведения, касающиеся только одного Арриана. Это не самый важный и информативный для аланской тематики автор. Но какова степень концентрации ошибок!

Незнание источников накладывается на незнание зарубежной литературы, которую просто не читают. И это несмотря на разгул аланомании в республиках Северного Кавказа, где все бросились искать аланских предков. Важнейшим этническим показателем признается язык. Много ли осталось от языка аланов? Крохи. Две аланские фразы византийского писателя Иоанна Цеца в эпилоге «Теогонии» (XII в.), впервые опубликованные Д. Моравчиком в 1930 г., являются «единственным языковым памятником, аланский характер которого был бы засвидетельствован самим записавшим его лицом» [1, с. 888; 2, с. 255]. Что, алановеды ухватились за находку, изучили текст «от и до»? Где там! Статья В.И. Абаева 1935 г., откуда взята цитата, на протяжении десятилетий остается единственной профессиональной попыткой дать анализ аланских строк на основе оригинала. Все последующие отечественные публикации на эту тему исходили из информации, приведенной Абаевым. Но ведь наука не стоит на месте. Еще в 1953 г. Г. Хунгер [90; см.: 65; 92] издал те же «варварские» фразы из эпилога «Теогонии» по более ранней и лучше сохранившейся рукописи, в которой восстанавливаются некоторые неясно читаемые в рукописи Моравчика слова. И за 45 лет (!) – никакой реакции со стороны отечественных алановедов, иранистов, осетиноведов. Это при том, что византинисты (т.е. «узкие» специалисты) публикацию Хунгера, конечно же, знали [36, с. 361; 13; 91, р. 183, 257 f.]. Не знали (и не знают) те, кому это нужнее всего⁵.

⁴ Тем же устаревшим переводом Кассия Диона (69. 15. 1) пользовались в 90-е гг. В.А. Кузнецов [44, с. 48], Т.А. Габуев [19, с. 37] и др.

⁵ Свежий пример: в статье М.И. Исаева «Аланский язык» из новейшей академической энциклопедии «Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки» [34, с. 107] вновь перепечатан старый (1930 г.) вариант аланских фраз Цеца. И ни слова о рукописи Г. Хунгера.

Изоляция (сейчас – самоизоляция) от мировой науки ведет к разного рода курьезам. Те же аланские фразы Цеца без больших проблем объясняются из архаического осетинского языка. Но в последнее время появились охотники читать их на языке команов (русских половцев), считающихся предками кавказских тюрков (карачаевцев, балкарцев) [54, с. 129-130; 81, с. 179-182; 49, с. 103; 8, с. 187]. Знакомство с публикацией Г. Хунгера избавило бы сторонников тюркской гипотезы от очередного заблуждения, поскольку в изданном им эпилоге «Теогонии», наряду с аланским, помещено и «скифское» приветствие, при котором стоит пометка (самого Цеца или переписчика), что язык приветствия – «команский». Версия о тождестве аланского и команского языков отпадает сама собой. Зато появляется возможность привлечь подлинные данные о команском языке, не забираясь в чужой огород.

От аланов мы уже перешли к другим народам с непредсказуемым прошлым.

История тюркских народов: полигон дилетантской методологии. Рост интереса к своей древней истории у тюркоязычных народов России и бывшего СССР – еще одна примечательная черта нашего времени. Интерес этот, однако, в значительной степени удовлетворяется работами, характер которых И.Л. Кызласов обозначает как «розовые национальные мечтания о прошлом» [47, с. 73]. У дилетантствующих тюркологов есть и свое знамя – Л.Н. Гумилев. Поскольку плодовитый доктор двух наук в своих работах по тюркам затрагивал многие запретные для советской историографии темы, ныне его охотно превозносят национальные элиты некоторых постсоветских и российских республик. В Казахстане (г. Астана) появился Евразийский университет его имени. «Великим ученым и гражданином» назвал Гумилева президент Татарстана М. Шаймиев [82, с. 6]. На мой взгляд, Гумилеву-историку больше подходит определение «теоретик и практик воинствующего дилетантизма», хотя в том не столько вина, сколько беда талантливого мастера пера, чье становление проходило в условиях чрезвычайных. Поскольку случай Гумилева демонстрирует типичный для дилетантов (не только тюркоманов) подход к историческому

материалу, на нем стоит остановиться подробнее.

Методология Л.Н. Гумилева, которую он неоднократно излагал, основана на принципиальном отрицании необходимости работы исследователя с первоисточниками. Вместо этого он предлагает некое разделение труда филолога и историка. «Соотношение переводчика, комментатора и интерпретатора таково же, как заготовителя сырья, изготовителя деталей и монтажника. Один из них не достигнет успеха без помощи двух других. А опыты совмещения трех профессий в одном лице не давали положительных результатов даже в древности. Знание древнего языка для историка – роскошь» (!). «Для обобщения язык источника вообще безразличен, ибо важен только смысл: война, мир, договор, поход – попросту говоря, событие» [23, с. 25-26]. «Филологи переводят тексты, а историки изучают описанные в них события. Возражать против разделения труда в науке значит делать шаг назад. Если не группировать и не интерпретировать факты, отслоенные от текстов (курсив мой – С.П.), то самая публикация этих фактов никому не нужна» [16, с. 210]⁶. Готовые к использованию факты проще всего брать из исторических монографий [22, с. 22].

Метод использования «отслоенных от текстов фактов» – прямой путь к дилетантизации истории, превращению ее из науки в занятие для графоманов. Такие факты можно наполнить каким угодно содержанием – ведь проверка гипотез путем соотнесения их со свидетельствами прошлого исключена. Возьмем процесс коллективизации (раскрестьянивания) в СССР в 30-е годы. Отделим этот «факт, почерпнутый из монографий» советского времени от реальной картины, известной из первых рук и уст – и вместо трагедии получим умильную картинку торжества социальной справедливости в деревне. Возможности для создания произвольных исторических конструкций открываются поистине необъятные. Естественно, что сочинения Л.Н. Гумилева – неисчерпаемый источник ложных сведений. С.Н. Муравьев однажды в трех гумилевских строчках обнаружил пять фактических ошибок, вызванных элементарным незнанием источника

⁶ Иногда Л.Н. Гумилев все же оставляет за историками право заниматься источниками, а обобщения передоверяет «этнологам».

[57, с. 161-162]. Порочная методология такого рода обязательно заведет историка в тупик, даже если он настроен на честный поиск.

Эта «новая» парадигма истории, независимо от личности самого Гумилева, оказалась находкой для советской историографии. Ее охотно взяли на вооружение многочисленные последователи «синтетической» истории, чурающиеся того, что зовется «черновой работой». Примечательный спор возник в 1961 г. при обсуждении книги Л.Н. Гумилева «Хунну» (М. 1960), где дискутирующие разделились на два лагеря. Одни, среди которых преобладали специалисты (синологи), защищали требование обязательности использования источников в оригинале [16, с. 206]⁷. Другие, в их числе Б.Я. Стависский, В.В. Струве, М.И. Артамонов, отстаивали самоубийственное «право» историка довольствоваться переводами. Почему-то в аргументации последних присутствовали ссылки на опыт создания обобщающих трудов Э. Гиббоном и Т. Моммзеном – людьми, прекрасно владеющими техникой работы с оригинальными источниками. Но, пожалуй, самый сокрушительный *ultima ratio* (последний довод) выдвинул Д.И. Альшиц: «Незнание языка ирокезов не помешало Ф. Энгельсу сделать на основании наблюдений Моргана гениальные выводы о родовом строе» [16, с. 205]. Что ж. Коль скоро научно-популярная книжка «блестящего дилетанта» Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» объявлялась гениальной, почему бы не попробовать другим?

Немногочисленным узким специалистам все же было позволено работать с оригинальными источниками, но исторические и мировоззренческие концепции за них создавали другие, «идейно выдержанные», кадры. С их подачи и утвердилась практика писать историю без глубокого проникновения в источник, методом более или менее произвольной комбинации вырванных из контекста фактов ради создания умозрительных социологизированных схем. Если говорить о хуннологии, то здесь положение за прошедшие десятилетия скорее ухудшилось. В начале 60-х неисторический (не основанный на источниках) подход Л.Н. Гумилева все же вызвал возражения большой группы специалистов. Но вот в 1996 году Н.Н. Крадин пуб-

ликует очередную монографию на ту же тему, и также по переводным источникам. Критической реакции, подобной той, что была в 1961 г., не последовало, более того: работу поддержали как перспективную престижные научные фонды (Сороса, РФНФ). Представляя книгу, автор признает, «что это обстоятельство (т.е. использование не оригиналов, а переводов – С.П.) делает работу уязвимой для критики» [43, с. 4], но считает достаточным оправданием: 1) молодость дисциплины (это в год, когда отмечалось столетие гуннской археологии! [76]), и 2) использование «по мере необходимости» не одного, а нескольких переводов, сопровождаемое консультациями у специалистов (востоковедов). Позволю себе два контр-довода. 1) Даже если хуннология молода, стара наука история и так же стар принцип изучения прошлого по его остаткам (источникам). Любой новой дисциплине, претендующей на статус научной, проще с самого начала соблюдать правила, принятые для всего научного сообщества, чем потом ломать уже укрепившуюся традицию. Делать легче, чем переделывать. 2) Сотня лучших переводов не заменят оригинала, поскольку любой переводчик – уже посредник между исследователем и источником из мира прошлого. Зачем посредник, когда есть свидетель? *Traduttore – traditore* (переводчик – предатель).

А вот саморазоблачающая оценка хазароведения – еще одной отрасли, в которой погулял Л.Н. Гумилев. Давая характеристику монографии А.П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа» (М. 1990), очередная соискательница кандидатской степени пишет: «Именно оригинальным прочтением источников и отличается вышеупомянутая работа от всех остальных трудов, посвященных Хазарскому каганату» [6, с. 8]. «Впервые в истории изучения Хазарского государства автор использовал не адаптированные переводы письменных источников, задался целью перевести их самостоятельно» [6, с. 12-13]. Другими словами, никто, кроме Новосельцева, не придерживался в своих работах научного метода исследования (но диссертации при этом защищали!). Сравним с той же мировой практикой. В рекомендациях по написанию дипломной (!) работы про-

⁷ Прозвучал такой аргумент С.Г. Кляшторного: сведения о гуннах в русском переводе Н.Я. Бичурина, использованном Гумилевым, составляют малую часть («может быть, 1/10 или 1/100») от того, что есть в китайских источниках [16, с. 206].

фессор У. Эко относит к числу «неукоснительных законов» и такой: «Нельзя писать диплом по иностранному автору, если вы не можете прочесть его в подлиннике» [86, с. 33]. А перевод? «Перевод источником не является. Это протез, как вставная челюсть или очки... Антология – не источник.... Пересказы, сделанные другими авторами, даже оснащенные длиннейшими цитатами, не являются источниками» [86, с. 65].

Без работы с оригинальными источниками (без «борьбы с документами», по выражению М. Блока) нет научной истории – это самоочевидно. «Любому историку известно, что историческое исследование может опираться только на исторические источники, принципиально отличающиеся как от исторических исследований, так и от учебных пособий по истории. Разница здесь весьма существенна и заключается прежде всего в качестве информации, которая может быть извлечена из той или иной категории текста. ... историческими источниками признаются исключительно такие сообщения о прошлом, в которых отсутствует какая бы то ни было информация из исследований и пособий; в их основе – впечатления и переживания участников и очевидцев событий» [27, с. 19].

Феномен Фоменко. Приведенная цитата И.Н. Данилевского направлена против главного «антигероя» разоблачительных кампаний последних лет А.Т. Фоменко, а может быть, обращена и против его оппонентов из числа современных историков – настолько близки их подходы. Ничего удивительного. Уроженец Магадана (1945 г. рожд.), сын ссыльнопоселенца, Фоменко воспитывался в той самой советской школе, где история, совершенно непохожая на реальную жизнь, переписывалась (с участием многих ныне действующих историков) столько раз, сколько колебалась генеральная линия партии. Реакция мыслящего абстракциями математика оказалась хотя и экстравагантной, но по-своему логичной. Поскольку факты прошлого подвергались постоянным искажениям,

в качестве единственно надежного ориентира были приняты числовые данные и основанные на них математические выкладки⁸. Их абсолютизация – невольная либо (хочу думать) преднамеренная – принесла результат в виде «новой хронологии», а по сути – новой виртуальной концепции ранней письменной истории человечества.

При всем том данные, которыми оперирует Фоменко, не вымышлены, а только «отслоены» от породившей их исторической традиции, после чего с ними можно вытворять что угодно. Как марксисты советской выучки автоматически загружали в объяснение исторических событий идею классово-борьбы, как Л. Гумилев закладывал в «отслоенные от источников факты» свою универсальную теорию пассионарности, так и Фоменко заполняет вырванные из контекста «исторические даты» своими «математико-статистическими» моделями. Во всех случаях первичный метод (принцип) один. Разница – в степени догматизма: он у профессиональных историков выше, вследствие чего они (по крайней мере, значительная их часть) крепче держатся за затверженные некогда определения – ложные ли, верные, но именно заученные, не приобретенные самостоятельными усилиями; Фоменко, не будучи связан узами профсолидарности, говорит и пишет, как хочет⁹. Догматизм с одной стороны, волонтаризм с другой. Как у Конфуция: «Напрасно обучение без мысли, / Опасна мысль без обучения».

Древнерусская история: критика критиков дилетантства. Вообще в том, что касается критики «идей» Фоменко, наши историки явно теряют чувство меры и даже саму цель – уберечь историю от фальсификаций. Похоже, их устраивает любой союзник. В той же серии, где были опубликованы материалы антифоменковской конференции в МГУ (1999 г.), вышла книга «доктора филологических наук России и Болгарии» Ю.К. Бегунова [11], апологета и рецензента исторической фальшивки «Велесова книга» [40].

⁸ Упомянутые подробности биографии А.Т. Фоменко прозвучали в выступлении его друга-математика, С.Г. Смирнова (не разделяющего взгляды академика), на «круглом столе» Российской ассоциации антиковедов «О состоянии учебников и учебных пособий по истории древнего мира для средней школы» (28-29 января 1998 г.). Феномен Фоменко в такой трактовке напоминает историю народовольца Николая Морозова в изложении Ю. Олеси: «Как бы там ни было, но то, что он создал свою систему отрицания древнего мира, гениально. Пусть сама система и невежественна, но сам факт ее создания, повторяю, гениален, если учесть то обстоятельство, что Морозов был посажен в крепость на двадцать пять лет...

– Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!» [64, с. 336].

Правда, «Велесова книга» не «уничтожает» несколько веков русской истории, как Фоменко, а «прибавляет» к ней пару десятков тысячелетий (!)¹⁰. Оставлю последний факт без комментариев.

Близость подходов дилетантов и их критиков обнаруживается в «язвочкочувствительной» (так в аннотации) книге Д. Володихина, О. Елисейевой, Д. Олейникова «История России в мелкий горошек» (М., 1998). В ней авторы на конкретном материале изобличают А. Фоменко, Э. Радзинского, М. Аджиева, Н. Шахмагонова как «монстров», фантазеров, «аннигиляторов» и фальсификаторов. Книга, что и говорить, получилась язвительной, но уж никак не убедительной. Многие из тех упреков, что авторы щедро раздаривают дилетантам, можно с лихвой переадресовать им самим.

Вот Д. Олейников на нескольких десятках страниц изобличает невежество популяризатора половецкой истории Мурада Аджи. В ход пускается все, включая педантские замечания, что негоже Мовсеса Хоренаци называть Моисеем Хоренским, а «Историю страны Алуанк» – «Историей Албан» [18, с. 119] (на деле оба варианта равноценны, поскольку представляют две языковые традиции – армянскую и греко-латинскую). Чтобы окончательно добить оппонента, Олейников обрушивает на него и своих читателей «печальный синодник аджиевского незнания», перечень «неправд». И с первой же «неправды» [18, с. 160] сам делает размашистый ляп, утверждая, что русы впервые упомянуты не в «Бертинских анналах» (839 г.), а в сирийской хронике псевдо-Захария (ок. 555 г.). Олейников чисто по-дилетантски ссылается на первую попавшую ему в руки книгу археолога-слависта (не ориенталиста) В.В. Седова [74, с. 111]. Олейникову бы обратиться к трудам специалистов (он поминутно советует это делать М. Аджи) и прочесть в них о «грубой ошибке в понимании свидетельства Захария Ритора» [7, с. 155; 31, с. 92]. Но стремление лю-

бой ценой отхлестать чужака перевешивает. Как хотите, только когда историк-русист в столь важном вопросе, как первое письменное свидетельство о русах, походя делает ошибку в три столетия, что же остается дилетантам?

Русский отдел древней российской истории, как видим, тоже не без греха. Один из предшественников Д. Олейникова в деле отнесения мифического народа Нрос к русам, академик Б.А. Рыбаков, по смелости обращения с документами по ранней русской истории не уступит иному дилетанту. А.П. Новосельцев в таких словах характеризовал его деятельность: «Суровая критика, которая раздается в адрес исторической науки, имеет основания. ...до сих пор в ее академических центрах сохраняется при решении важных научных проблем такой подход, при котором авторитет звания зачастую ставится выше научных доводов. Примером могут служить некоторые построения, содержащиеся в работах академика Б.А. Рыбакова. ...уже в ранних трудах Рыбакова намечилось стремление внедрить в историографию ряд положений и трактовок, не опирающихся на источники, надуманных, конъюнктурных» [60, с. 23]. «Его фантазия создает порой впечатляющие (для неспециалистов) картины прошлого, не имеющие, однако, ничего общего с тем, что мы знаем из сохранившихся источников. Любая наука нуждается в гипотезах, но то, что делает с историей Рыбаков, к научным гипотезам отнести нельзя» [60, с. 30].

История – наука конкретная, и без конкретных имён не обойтись. Но дело не в отдельных ошибках отдельных людей. Они лишь проявление общей тенденции. Корень всех бед – в погрязшем методе.

К вопросу о историческом методе. Давно известно сравнение работы историка с детективом. Р. Коллингвуд приводит пример, как деревенский констебль, последовательно задавая

⁹ См. оценку «творчества» Фоменко А. Петровым. «Убедить его самого в том, что он неправ, нельзя, хотя бы потому, что, будучи грамотным и умным человеком, он сам прекрасно понимает, что его концепция химера. Более того, все больше поражаюсь тому, как хорошо он знает историю. Под его новохронологической шелухой видно, с каким блеском академик отбирает фактуру, проблемы, источники, за которые можно зацепиться и прицепить к своему локомотиву. Как тонко он улавливает спорные и проблемные трактовки того или иного события. Думаю, он мог бы стать неплохим историком. Но ему это не нужно. Его химера, появившись как манифест свободной личности в государстве с ангажированной наукой истории, теперь, когда все это ушло в небытие, стала блестящим коммерческим предприятием, процветающим на почве общественного равнодушия к истине, здравому смыслу и рациональному знанию» [68, с. 41-42].

¹⁰ «Праотцы были Яром уведены в Край Русский, ибо, оставаясь, они претерпели бы многое от ранних холодов (XX-V тыс. до н.э.)» и т.д. [40, с. 13].

вопросы, раскрыл уголовное преступление. Констебль считался «неумным» парнем. «Но ведь и научно мыслящий исследователь не обязан быть умным, он только должен знать свою работу, т.е. знать вопросы, которые ему следует ставить» [41, с. 257]. Должен знать свою работу, порядок задаваемых вопросов и историк. «Когда исследователь находится *in statu pupillari* (в положении ученика) по отношению к любой научной дисциплине, он должен верить в разрешенность всех ее вопросов, потому что его учителя и учебники считают их решенными. Когда же он выходит из этого состояния и приступает к самостоятельным исследованиям, он обнаруживает, что ничего не решено. Его догматизм, этот неизменный признак незрелости, исчезает. Он смотрит на так называемые факты новыми глазами. Он говорит самому себе: «Мой учитель и учебники сказали мне, что то-то и то-то истинно. Но истинно ли оно? На каком основании считают они это истинным? И адекватны ли эти основания?» С другой стороны, если он выходит из ученического состояния, но не продолжает самостоятельно изучать предмет, то он никогда не освободится от своих догматических установок. А это делает его совершенно неспособным дать ответы на вопросы [41, с. 11].

Именно вопросно-ответный метод обеспечивает режим диалога с прошлым. А он возможен лишь через обращение к источнику без всяких посредников. «Источники» – не вполне точное обозначение для совокупности документов (сейчас говорят – текстов), хранящих информацию о прежней жизни. Работа с ними предполагает знание языка оригинала – барьер, который преодолевают далеко не все из называющих себя про-

фессионалами. Источниковедческая подготовка, однако, не сводится к одной филологии. От историка требуется умение ставить проблемные вопросы. «Ничто – ни хроника, ни повествование, ни даже автобиография – не является источником само по себе. Исторические источники становятся таковыми лишь в контексте исторического исследования. Сами по себе молчат даже тексты и речи; они обретают голос, лишь когда их понимают; они отвечают, лишь когда их допрашивают, словно свидетелей на суде, задавая точные и правильные вопросы. Первое требование к историку – уметь задавать правильные вопросы» [78, с. 44-45].

История не сводима к памяти о прошлом, её совершенно справедливо рассматривают как «связь времен», мостик между прошлым и настоящим. След прошлого хранится в источнике, интерес настоящего содержится в вопросе к нему. Нет этой связи – нет никакой возможности приблизиться к пониманию людей других эпох и цивилизаций. Не зная своего времени, нельзя сформулировать правильный вопрос; не умея читать и грамотно толковать источники, нельзя проникнуть в тайны прошлого. Знание обязательных процедур исторического исследования, навыки их использования, утраченные в советские времена, не восстановлены в масштабах российского научного сообщества до сих пор¹¹.

Здесь возникает один методологический вопрос. Среди свидетельств прошлого, относимых суммарно к историческим источникам, существует определенная иерархия. На первом месте стоят источники речевые. Ведь история – наука о людях, осознанно совершающих действия. Оттого

¹¹ По опыту работы в классическом, хотя и провинциальном, университете могу сказать, что при защите (и до нее – при утверждении тем) кандидатских и докторских диссертаций по древней и средневековой истории от соискателей не требуется в обязательном порядке знание оригинальных источников и зарубежной литературы. Диссертационную работу уже можно написать на материале школьных хрестоматий. А ведь без малого полвека назад А.И. Немировский [58, с. 80-81], обращая внимание на неблагополучие с подготовкой кадров в тогдашнем МОПИ, называл ненаучными работы, «не основанные на самостоятельном изучении источников», и рекомендовал уделять особое внимание «самостоятельному толкованию студентом (!) того или иного вопроса и исчерпывающего привлечения источников». Ныне доктора наук не достигают до этой планки. Один из путей облегченной «научной» карьеры: защитить диссертацию по «отечественной истории» (без знания иноязычных источников и литературы), начать преподавание древней или средневековой истории на соответствующей кафедре, получить звание доцента, затем – профессора (без ученой степени по специальности – это почему-то возможно!), взять аспирантов, но уже по специальности «всеобщая история», и продолжать штамповать безъязыкие кадры «антиковедов», «медиевистов», «востоковедов». И научное сообщество (те немногие, кто в состоянии оценить ситуацию) благодушно взирает на эту разъедающую его изнутри опухоль, полагая источник всех бед в несравненно менее опасных наскоках внешних дилетантов.

вся история есть не что иное, как «история мысли» [41, с. 204]. Мысль передается словом – устным либо письменным. Применительно к отдаленным периодам единственными готовыми к «немедленному употреблению» источниками являются источники письменные, они же – исторические источники в тесном смысле слова [38, с. 91]. А письменный текст имеет ту особенность, что его нужно всякий раз оживлять в собственном сознании. Передоверить эту работу другому (предложение Л.Н. Гумилева) – значит утратить ту самую единственную связующую нить с прошлым.

Иначе обстоит дело с источниками археологическими (в основном – вещественными). Код шифровки информации в них иной и выражает человеческую мысль опосредованно. Артефакты, в сравнении с письменными документами, более однозначны, в большей степени поддаются формализации и типологизации на основании общих признаков, тогда как каждое историческое свидетельство уникально. В этом смысле «археологические факты не являются фактами историческими, и соответственно археология – это не история» (Д. Кларк) [цит. по: 75, с. 34]. Старое название – «вещеведение» хорошо подчеркивает особенности археологического метода. После завершения собственно археологической работы (раскопки, идентификация предметов, классификация и т.д.) археолог должен перевести археологическую информацию с «языка вещей» (скажем, «помещение X раскопа Y второго строительного горизонта со следами золы») на язык истории (например: «храм такого-то века, разрушенный пожаром, возможно, в результате нападения таких-то врагов»). Только после этой операции археологические данные становятся историческими источниками, а исследователь может приступить к изучению проблем исторического характера [38, с. 144 слл.]. Без специальной подготовки, без знания исторического контекста, этого делать не рекомендуется.

Особенности работы историка далеко не всегда учитываются археологами-практиками. Исторические (письменные) свидетельства по аналогии с вещественными сплошь и рядом понимаются как раз и навсегда данные. Вот типичное для археолога рассуждение В.С. Флорова относительно исследований по Хазарии:

«Информация, содержащаяся в письменных источниках, – утверждает он, – фактически исчерпана, а предлагаемые трактовки тех или иных сообщений и варианты переводов никак не увеличивают наших знаний (сугубо количественный и в корне неправильный подход к оценке информативности источника – С.П.) о самом предмете исследований... можно ставить вопрос об отрыве исторического источниковедения от непосредственного изучения реалий прошлого. Источниковедение все более становится «вещью в себе», а выявление лингвистических тонкостей, проблемы перевода, выдвигаемые на основе отрывочных сведений гипотезы, становятся самоценными, самодостаточными» [77, с. 232]. Видимо, характер работы с обладающими устойчивыми признаками артефактами (вещами) подвел уважаемого коллегу к такому выводу. Настоящий историк знает, что письменные источники неисчерпаемы и обладают способностью раскрываться всякий раз с новой стороны. «Источниковедческий анализ перестает быть некой предварительной стадией исторического исследования, ибо единоборство с источником не может не пронизывать это исследование от начала до конца» [24, с. 92]. При всем огромном вкладе археологов в изучение далеких эпох, явный крен в сторону археологических методов, который мы наблюдаем во многих работах по древней истории России и ее регионов, приводит к значительным фактическим и концептуальным издержкам. Зачастую вместо «одушевления» вещественных источников мы наблюдаем «овеществление» источников письменных и омертвление исторической памяти в целом.

Возвращаюсь к исходному тезису.

Дилетантизм проник в историю не извне. Восстание дилетантов – закономерный продукт советской и постсоветской исторической науки. Историки в массе за время господства утопического мировоззрения утратили чувство реальности, предали забвению азы своего ремесла. Две слабости определяют их имманентный дилетантизм: незнание источников (т.е. незнание прошлого), неумение ставить научные проблемы (отрыв от настоящего). К ним можно добавить третью: нежелание вести серьезную просветительскую работу среди неспециалистов.

3. Профессионалы в стране дилетантов

Говоря о дилетантах, никак не обойти тему профессионалов.

Мы переживаем редкое время, когда стало возможным все. Старые догмы сметены, новые еще не утвердились. Свобода творчества – какая раньше и не снилась. Сложились все условия для восстановления научного статуса истории. И крайне важно, чтобы историки осознали необходимость обретения своего истинного места в обществе без сковывающей и одновременно расслабляющей поддержки власти. Ответственность перед государством-партией, к чему привыкли старшие поколения, должна смениться ответственностью перед обществом. Для поднятия престижа труда историка уже недостаточно проявления лояльности (или оппозиционности) к власти, необходимо предьявлять знания. Потенциальных потребителей исторической литературы нужно убеждать в собственной правоте с помощью весомых аргументов. Запретительные меры по отношению к альтернативным версиям отжили свой век.

Выступление дилетантов можно и нужно использовать на благо исторической науки, как стимул к ее обновлению. Необходимы внутренние усилия научного сообщества. Но где точка опоры? От чего оттолкнуться?

Надежда на немногих профессионалов, людей, которых принято считать узкими специалистами. Очевидное их достоинство – знание прошлого, точнее – источников знания о нем. Столь же очевидные недостатки, связанные с отстраненностью от злобы дня, вполне преодолимы в новой политической ситуации. Аналогичным образом развивалась европейская историография от Возрождения до наших дней. Сначала – эрудиты и антиквары, потом – научные историки. Да и российская наука при Петре начиналась с ученых немцев, не знавших страны [46].

Сегодня нам необходима актуализация исторических исследований. Одним из ее путей может стать обращение к темам, интересным для широкого круга. К таковым, безусловно, относится ранняя история народов России – здесь непочтатый край работы для антиковедов, востоковедов, медиевистов. Ранее «в российских научных центрах изучали языки и историю всех зарубежных стран. Изучали все что угодно, только не историю народов собственной страны» [35, с. 16].

90-е годы принесли несомненное оживление в изучение источниковой базы исследований. Продолжают выходить книги свода «Древнейших источников по истории народов Восточной Европы», выпускаемого Центром «Восточная Европа в античном и средневековом мире». Издан двухтомник древнейших иноземных свидетельств по истории славянства [73]. Появляются тематические сборники по древней и средневековой истории России, вводящие в научный оборот малоили совсем неизвестные материалы [30; 31 и др.]. Возникают новые издательские центры, из них я бы отметил «Греко-латинский кабинет» в Москве и «Алетейя» в Санкт-Петербурге. С этой стороны позиции научной истории укрепляются.

Но наука не делается в одиночку. Каждый историк, изучая конкретную тему, работает в параметрах, заданных историографической традицией. Без доверия к трудам собратьев по цеху не обойтись, а как раз доверия-то и недостает. В нашем научном сообществе бок о бок с настоящими учеными живут, а часто и процветают имитаторы. Как могут понять друг друга люди с разными принципами? Пора наводить порядок в собственном доме. Верно замечено в одной из дискуссий, что в качестве «условия цехового воспроизводства и полноценного научного общения» необходима «плотная профессиональная среда» [49, с. 173]. Для ее создания, в свою очередь, нужна объединяющая всех историков платформа. Поскольку прежние ориентиры утрачены, историческая наука признана находящейся «в кризисе», приходится искать. И историки, действительно, ищут.

Такой мировоззренческий поиск характеризует, в основном, небольшой, но весьма влиятельный круг столичной интеллигенции. Это любопытный во всех отношениях островок европеизированной культуры. Некогда варившиеся в собственном соку интеллектуалы ныне получили возможность выхода во внешний мир. Но этим миром оказалась не Россия, не ее прошлое и настоящее, а Запад, в научные центры которого охотно выезжают наши ученые-гуманитарии. Считается, что через такие контакты Россия приобщается к мировой исследовательской культуре. «Когда способные аспиранты, ассистенты и младшие научные сотрудники возвращаются из очередной

зарубежной командировки, они привозят теперь оттуда обычно не общие концептуальные идеи, а конкретные исследовательские методики» [14, с. 158]. Хорошо, что стали ездить за границу и знакомиться с зарубежным опытом. Плохо, что при этом куда-то уходит чувство родины, и чужой опыт усваивается механически. Ведь современные методики сами по себе не работают; концепции, способные претендовать на новизну и научную значимость, вырастают не из методик, а из знания жизни. По-настоящему можно узнать только свою страну. Узнав, понять, что наши проблемы – не «их» проблемы.

Не место давать оценку всей нынешней российской действительности. Ограничимся состоянием дел в сообществе историков. О чем говорят на наших методологических конференциях? Постмодернизм, макро- и микроистория, школа «Анналов», «новая интеллектуальная история», гендерные исследования, компьютерные технологии и т.п. Вопросы, хотя и важные, совершенно не учитывают исторического момента, реалий российского социума. Привлекают они внимание от силы нескольких десятков людей, из числа тех, что знают расстановку столов в Национальной библиотеке Франции или Австрии лучше, чем в родной «Ленинке». Дискуссии по ним выглядят даже не бурями – легким бризом в стакане воды, их воздействие на общую ситуацию в стране, в науке, в образовании самое минимальное.

Лечение неэффективно, поскольку неправилен диагноз. Постсоветская историческая наука не в «кризисе». Она в тупике. А выход из тупика, как известно, не «вперед, к новым горизонтам» (для такого рывка нет основы), а «назад, к развилке». К тому, чем была история до внедрения казенного единомыслия – методом самостоятельного приобретения и проверки знаний, извлекаемых из источников. Многие интересные начинания лидеров современной российской историографии не учитывают крайне низкого уровня подготовки аудитории, способной, по большей части, лишь усваивать готовые истины, но не участвовать в обсуждении назревших проблем.

Одним из самых интересных современных изданий является альманах «Одиссей» (издается с 1989 г.). Но менястораживает в некоторых его публикациях стремление добиваться популярности изложения за счет отказа от демонстрации черновой работы, «кухни» исследовате-

ля. В этом видится позиция главного редактора и *spiritus rector* альманаха А.Я. Гуревича, который ориентируется на «широкий круг интеллигентных читателей», а потому сознательно избегает «перегруженности своих книг научным аппаратом, однако не в ущерб доказательности и обоснованности изложения» [24, с. 29]. Желание естественно, подобные мысли высказывал в свое время С.А. Жебелев: «От свойственной более ранним работам Жебелева скверной привычки унащать основной текст обилием примечаний – в большинстве случаев внешняя и дешевая ученость, в особенности при наличии всякого рода *Handbuch*'ов и энциклопедий по *klassische Altertumswissenschaft*, бурсиановских *Jahresbericht*'ов и т.п. – он старался всячески освободиться» [32, с. 181]. Увы, современный читатель – не только из «широкого круга», но и читатель с историческим образованием, со степенью и званием, настолько далек от *Handbuch*'ов и *Jahresbericht*'ов, что не в состоянии проверить простейшую информацию, изрекаемую нашими мэтрами, а потому ему ничего не остается, как принимать на веру все, что говорят новые властители дум. Кучка интеллектуалов на одном полюсе, масса статистов на другом – такая знакомая и такая грустная картина российской действительности. Чтобы найти общий язык, приходится его упрощать и приспособлять к вкусам возвращенных на абстрактном мышлении людей. Как результат – в нашей исторической литературе больше рассуждения, чем понимания, и больше убежденности, чем убедительности. «Недогруженность научным аппаратом» все же снижает доказательность работ.

Задачей дня является не популяризация истории, а историческое просвещение. Популяризатор опускается на уровень публики, просветитель помогает расти другим. Первый упрощает, второй разъясняет. Одни несут готовое знание, другие – метод его получения. Метод, воспринятый как понятный всем способ поиска истины, объединяет профессионалов и дилетантов, тогда как претензии на монопольное владение истиной возводят между ними совершенно ненужные баррикады.

Показательно, что идея историзации общественного сознания встречает неприятие именно у ярых противников дилетантства, чей идеал – «история для историков». В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов настоятельно рекомендуют «народам»

жить экономикой, «предоставив историю ученым», которые и выдадут «подлинные, не мифологизированные истории» [45, с. 87]. Д. Володихин втолковывает читателям, что «история всегда была элитарной сферой знания» [18, с. 4]. О.М. Давудов, вопреки известным фактам, утверждает, будто «ни один дилетант, любитель истории не в состоянии мимоходом создавать что-либо путное» [26, с. 6]. К чему привело деление на якобы всезнающих жрецов науки и несмышленных верующих, мы уже видели: дилетантизм в таком случае захлестывает и саму элиту.

В условиях восстания дилетантов объясняющая функция историков становится одной из самых значимых. Картина прошлого, создаваемая усилиями профессионалов, должна обладать достоверностью в глазах остальных людей, которые имеют полное право знать, как добываются факты, а факты преобразуются в историческое

повествование. Достижение понимания между учеными и широкой публикой в том, что касается приемов и методов работы, вполне реально, поскольку мыслительные процедуры, применяемые при реконструкции событий прошлого, не отличаются принципиально от обыденного способа мышления.

Человек выходит в мир, чтобы изменить его, внося в него новый, отсутствовавший ранее элемент – себя. Историк, для которого верность призванию не пустые слова, важно прежде всего оставаться самим собой. Но задача преобразования действительности средствами, находящимися в его распоряжении, влечет за собой требование готовить способную воспринимать научные аргументы и испытывать их воздействие среду. В противном случае все усилия пропадут зря.

Ибо камень, брошенный в болото, не производит кругов.

Литература

1. **Абаев В.И.** *Alanica* // Известия АН СССР. 1935. Отд. общ. наук. 7. № 9. С. 881-894.
2. **Абаев В.И.** *Осетинский язык и фольклор. Т. I.* – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 602 с.
3. **Аджи (Аджиев) М.Э.** *Польнь половецкого поля.* – М.: Пик-контекст, 1994. 350 с.
4. **Аджи (Аджиев) М.Э.** *Европа, тюрки, Великая Степь.* – М.: Мысль, 1998. 334 с.
5. **Аджи (Аджиев) М.Э.** *Кипчаки, огузы: Средневековая история тюрков и Великой Степи.* – М.: ОАО Тип. Новости, 2001. 216 с.
6. **Акопджанова К.Н.** *Хазарский каганат VII-VIII вв.: история вопроса, проблемы. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук.* Махачкала, 2002. 22 с.
7. **Анфертьев А.Н.** *Иордан // Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. I (I-VI вв.).* – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 98-161.
8. **Байрамкулов А.М.** *К истории аланской ономастики и топонимики.* – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1995. 224 с.
9. **Байрамкулов А.М.** *И азиатские, и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев.* – Ставрополь: Гос. предприятие «Ставроп. краевая тип.», 1998. 263 с.
10. **Байрамкулов А.М.** *Правда об аланах.* – Ставрополь: Гос. предприятие «Ставроп. краевая тип.», 1999. 471 с.
11. **Бегунов Ю.К.** *Русская история против «новой хронологии».* – М.: Рус. панорама, 2001. 215 с. (Сер. «Антифоменко»).
12. **Берлизов Н.Е.** *Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 3.* – Армавир; М., 1997. С. 41-54.
13. **Бибиков М.В.** *Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // Études balkaniques. [Sofia] 1976. № 4. P. 116-120.*
14. **Бойцов М.А.** *Вперед, к Геродоту // Историк в поиске. Микро- и макроподходы к изучению прошлого. Докл. и выступления на конф. 5-6 октября 1998.* – М., 1999. С. 144-163.
15. **Борисёнок Ю.** *Историческая наука в посткоммунистическом времени // Родина. 1994. № 11. С. 8.*
16. **В Государственном Эрмитаже и Ленинградском отделении института народов Азии АН СССР // Вестник древней истории. 1962. № 3. С. 202-210.**
17. **Вглубь веков – с ключом или с отмычкой // Поиск. 1998. № 29/30. С. 14.**
18. **Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д.** *История России в мелкий горошек.* – М.: ЗАО «Мануфактура», ООО Издательство «Единство», 1998. 256 с.
19. **Габуев Т.А.** *Ранняя история алан (по данным письменных источников).* – Владикавказ: Ирстон, 1999. 148 с.
20. **Гатагова Л.** *Чему мы учим // Родина. 2000. № 1-2. С. 203-206.*
21. **Гуляев В.И., Беляев Л.А.** *О современном состоянии археологии в России (полемиические заметки) // Российская археология. 1995. № 3. С. 97-104.*

22. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. 764 с.
23. Гумилев Л.Н. Хунны в Азии и Европе // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 21-38.
24. Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. 1996. – М.: Coda, 1996. С. 81-109.
25. Давудов О.М. Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. – IV в. н.э.). – Махачкала: ДНЦ РАН, 1996. 428 с.
26. Давудов О.М. О фальсификации истории Дагестана // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сб. ст. – М., 2000. С. 6-15.
27. Данилевский И.Н. Традиционное летоисчисление и «новая хронология» // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 16-29.
28. Дион Кассий Коккеян. Римская история // Вестник древней истории. 1948. № 2. С. 268-277.
29. Доев М. Осетия и осетины: государство и нация // Дарьял. 2001. № 4. С. 152-165.
30. Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения / Под ред. А.В. Подосонова. – М.: Восточная литература, 1999. 399 с.
31. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. Е.А. Мельниковой. – М.: Издат. корпорация «Логос», 1999. 608 с.
32. Жебелев С.А. Автонекролог [1932] // Вестник древней истории. 1993. № 2. С. 177-201.
33. Иванов В.В. В поисках утраченного // Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. – М.: Наука, 1991. С. 24-35.
34. Исаев М.И. Аланский язык // Языки мира: Иранские языки. III. Восточноиранские языки. – М.: Индрик, 2000. С. 105-107.
35. Историческое сознание общества – на уровень задач перестройки (совещание 3 октября 1989 г. в ЦК КПСС) // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 3-23.
36. История Византии в 3-х тт. Т. 2. – М.: Наука, 1967. 471 с.
37. Каждан А. Трудный путь в Византию // Одиссей. 1992. – М.: Кругъ, 1994. С. 35-50.
38. Клейн Л.С. Археологические источники. Изд. 2-е, доп. – СПб.: Фарн, 1995. 352 с.
39. Клятва Геродота // Родина. 1999. № 6. С. 8-11.
40. Книга Велеса. Пер. и комм. А.И. Асова. – М.: Наука и религия, 1997. 288 с.
41. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: Наука, 1980. 486 с.
42. Копосов Н.Е. Советская историография, марксизм и тоталитаризм (К анализу ментальных основ историографии) // Одиссей. 1992. – М.: Кругъ, 1994. С. 51-68.
43. Крадин Н.Н. Империя хунну. – Владивосток: Дальнаука, 1996. 163 с.
44. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд., доп. – Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.
45. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Пятигорск; М.: Изд-во Моск. гос. ун-та коммерции, 1998. 89 с.
46. Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 49-64.
47. Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. I. Древнейшие свидетельства об армии // Российская археология. 1996. № 3. С. 73-89.
48. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск: Изд-во ПАО «ПУЛ», 1993. 139 с.
49. Ляпустина Е.В. Усталость в поисках метода? // Одиссей. 1996. – М.: Coda, 1996. С. 169-173.
50. Марковин В.И. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // Российская археология. 1994. № 1. С. 51-66.
51. Марковин В.И. О некоторых новых тенденциях в археологическом изучении древностей Северного Кавказа // Российская археология. 1994. № 4. С. 25-43.
52. Марковин В.И. Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // Российская археология. 1996. № 3. С. 90-105.
53. Меликишвили Г.А. Усиление Картлийского царства (Иберии) в I-II вв. н.э. // Очерки истории Грузии. Т. I. Грузия с древнейших времен до IV в. н.э. – Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 307-324.
54. Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. – Нальчик: Эльбрус, 1986. 182 с.
55. Мизиев И.М. История рядом. – Нальчик: Эльбрус, 1990. 144 с.
56. Моммзен Т. История Рима. Т. V. Провинции от Цезаря до Диоклетиана. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1949. 632 с.
57. Муравьев С.Н. Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта и уровень Каспия в VI-III вв. до н.э. // Mathesis. Из истории античной науки и философии. – М.: Наука, 1991. С. 115-175.
58. Немировский А.П. Обзор статей по древней истории в Ученых записках университетов и пединститутов // Вестник древней истории. 1955. № 1. С. 70-82.
59. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. 264 с.

60. Новосельцев А.П. «Мир истории или миф истории?» // *Вопросы истории*. 1993. № 1. С. 23-31.
61. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Новая хронология и концепция древней истории Руси, Англии и Рима. Факты, статистика, гипотезы. Т. 1. Русь. – М.: Изд-во Учебно-Научного Центра довузовского образования МГУ, 1996. 447 с.
62. Оболенская С.В. Совесть историка // *Одиссей*. 1992. – М.: Кругъ, 1994. С. 77-78.
63. Обращение участников XIX межрегиональной научной конференции по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения») к историкам-кавказоведам, ко всем представителям науки и образования (И.М. Чеченов) // *Российская археология*. 1997. № 2. С. 285-287.
64. Олеша Ю. Ни дня без строчки // Олеша Ю. *Избранное*. – М.: Правда, 1987. С.172-467.
65. Перевалов С.М. Еще раз о «варварских» фразах в «Теогонии» Иоанна Цеца // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. 5. – М.; Магнитогорск, 1998. С. 116-122.
66. Перевалов С.М. Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // *Историко-археологический альманах*. Вып. 4. – Армавир; М., 1998. С. 96-101.
67. Перевалов С.М. О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г. н.э.: три довода в пользу аланов // *Вестник древней истории*. 2000. № 1. С. 203-210.
68. Петров А. Куликовская битва – на месте // *Родина*. 1999. № 10. С. 41-45.
69. Плиев Р.С. Нахские языки – ключ к этрусским тайнам. – Грозный: Книга, 1992. 150 с.
70. Плиев Р.С. Хранитель тайн – язык. – М.: Изд-во Центр, 1997. 109 с.
71. Подосинов А.В. Латинский язык в школе: История, задачи и методика преподавания. – М.: Русское слово / Импэто, 1996. 96 с.
72. Поляков Ю.А. Наши непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. – М.: «АИРО-XX», 1995. 216 с.
73. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 472 с.; Т. II (VII-IX вв.). М.: Восточная литература, 1995. 590 с.
74. Седов В.В. Восточные славяне в VI-IX вв. – М.: НПБО «Фонд археологии», 1982. 344 с.
75. Снодграсс А.М. История Греции в свете археологии // *Вестник древней истории*. 1992. № 2. С. 32-40.
76. 100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен: Междунар. конф. Тез. докл. – Улан-Удэ, 1996. Ч. 1. 204 с. Ч. 2. 133 с.
77. Флеров В.С. Коллоквиум «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия» о хазарах // *Российская археология*. 2000. № 3. С. 229-234.
78. Флоровский Г. Положение христианского историка // *Догмат и история*. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. С. 39-79.
79. Формозов А.А. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» // *Российская археология*. 1995. № 3. С. 225-232.
80. Фундамент и этажи // *Знание-сила*. 1989. № 6. С. 18-28.
81. Хабичев М.А. Аланские фразы приветствия из «Теогонии» Иоанна Цеца (XII в.) // *Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность*. Труды междунар. конф. в 3-х тт. Июнь 9-13, 1992 г. Казань. Т. 1. - Казань, 1992. С. 179-182.
82. Шаймиев М. В истории народа – его настоящее и будущее! // *Родина*. 1997. № 3-4. С. 6.
83. Шер Я.А. О состоянии археологии в России // *Российская археология*. 1999. № 1. С. 209-223.
84. Шнирельман В.А. Чей род древнее, или в погоне за призраком. К дискуссии о происхождении народов Северного Кавказа // *Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»)*. Тез. докл. – М., 1996. С. 162-164.
85. Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследие. Этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов // *Восток*. 1996. № 5. С. 100-111.
86. Эко У. Как написать дипломную работу. Гуманитарные науки / Пер. с ит. Е. Костюкович. – М.: Книжный дом «Университет», 2001. 240 с.
87. Яценко С.А. «Бывшие массагеты» на новой родине – в Западном Прикаспии (II-IV вв. н.э.) // *Историко-археологический альманах*. – Армавир; М. Вып. 4. 1998. С. 86-95.
88. Braund D. *Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. – A.D. 562.* – Oxford: Clarendon Press, 1994.
89. Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt / Ed. U.P. Boissevain. Vol. III. – Berlin, 1955.
90. Hunger H. *Zum Epilog der Theogonie des Johannes Tzetzes. Neue Lesungen und Ergänzungen, besonders zu den alt-ossetinischen Sprachresten, aus einer bisher unbekanntem Handschrift der Osterreichischen Nationalbibliothek (Phil. gr. 118)* // *Byzantinische Zeitschrift*. 1953. Bd. 46. S. 302-307.
91. Kazhdan A.P., Epstein A.W. *Change in Byzantine Culture in the 11-th and 12-th centuries.* – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1985.
92. Perevalov S.M. *Les phrases alaines de Tzetzes // D'Ossétie et d'Alentuor. Bulletin de l'association ossete en France*. 3. Paris, 1997. P. 4-9.

СОИГСИ, Владикавказ, 2002 г.